

Куда идет глобальный капитализм?¹

А.А. ЯКОВЛЕВ*

***Андрей Александрович Яковлев** – кандидат экономических наук, директор, Институт анализа предприятий и рынков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: ayakovlev@hse.ru

Цитирование: Яковлев А.А. (2021) Куда идет глобальный капитализм? // Мир России. Т. 30. № 3. С. 29–50. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-29-50

В данной статье в рамках концепции “variety of capitalism” рассматриваются общие тренды в эволюции моделей глобального капитализма в условиях возросшей неопределенности в экономической динамике и усилении социально-политической напряженности в большинстве стран мира. Выделены ключевые преимущества и движущие силы неолиберальной модели капитализма, а также признаки кризиса этой модели. Обосновывается тезис о том, что усиление вмешательства государства в экономику по мере перехода к моделям «организованного капитализма» само по себе не решает проблем социального неравенства, которые в последние годы стали главным фактором социально-политической дестабилизации. При этом традиционные политические механизмы представительства и согласования интересов больших социальных групп, сложившиеся в XX веке, оказываются не способны решить эти проблемы, поскольку эти механизмы по-прежнему действуют на национальном уровне, а причины усиления неравенства связаны с логикой конкуренции на глобальных рынках. Ответ на вызовы, вставшие перед глобальным капитализмом, возможен только через кооперацию между ведущими развитыми и развивающимися странами, что предполагает способность их элит к ограничению своих притязаний. Однако элиты пока не сталкиваются с достаточным давлением, которое вынуждало бы их к кооперации и поиску новых идей и решений, отвечающих более широким общественным интересам. Поэтому движение

¹ Данная статья представляет собой дополненную версию главы, подготовленной автором для коллективной монографии *The Post-Crisis Developmental State: Perspectives from the Global Periphery*, выходящей в издательстве Palgrave, и основывается на результатах исследований в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор признателен за комментарии и замечания участникам конференции *The Role of State in the Variety of Capitalism* в Будапеште в ноябре 2018 г. и участникам семинара «Социальные порядки: природа и динамика», проходившего в ВШЭ в 2018–2019 гг., а также двум анонимным рецензентам.

к новым формам глобального «организованного капитализма» с большой вероятностью будет сопряжено с чередой новых политических и военных конфликтов, а также рисками технологических, экологических и эпидемиологических катастроф.

Ключевые слова: глобальный рынок, неравенство, механизмы глобального управления, неолиберальный капитализм, организованный капитализм, конкуренция идей

В начале 2020 г. журнал *Foreign Affairs* опубликовал блок статей известных экономистов и политологов под общим названием *Future of Capitalism*. Эти статьи можно рассматривать как иллюстрацию того, что сегодня представители мейн-стрима общественных наук открыто признают кризис той модели «глобального капитализма», которая сформировалась в последние два десятилетия XX в. с опорой на аргументы о «конце истории» на фоне победы либеральной идеологии [Fukuyama 1989] и которая долгое время подвергалась критике только со стороны левых интеллектуалов [Wallerstein 2000]. О кризисе этой модели говорят Амартья Сен, Томас Пикетти, Джозеф Стиглиц и многие другие американские и европейские интеллектуалы [Sen 2009; Пукемму 2015; Stiglitz 2019]. Аргументы в пользу необходимости трансформации сложившейся модели капитализма все чаще звучат и со стороны представителей бизнес-элиты². При этом в целом понятны причины кризисных тенденций и возможная реакция на них. Еще в начале 2000-х в книге с характерным названием «Спасение капитализма от капиталистов» Луиджи Зингалес и Рагхурам Раджан показали, что огромная концентрация богатства и экономической власти в руках небольшой группы собственников представляет собой барьер для развития рыночной экономики и фактор риска для ее стабильности [Зингалес, Раджан 2004]. Однако рецепты, предложенные ими и другими экспертами, не позволили избежать кризиса 2008–2009 гг. и нарастания социально-политической напряженности в последующее десятилетие.

Неопределенность в экономике, терроризм и политическую нестабильность, подъем национализма и все новые вооруженные конфликты можно воспринимать как признаки того, что модель «глобального неолиберального капитализма» в ее существующем виде подошла к исчерпанию своих возможностей. От распада ее удерживает прежде всего высокая степень экономической и финансовой взаимозависимости между странами, ставшая одним из результатов глобализации, когда игроки понимают, что если обособление национальных экономик и возможно, то лишь в средне- и долгосрочной перспективе. Сдерживающими факторами также являются необходимость обеспечения коллективной безопасности и противостояния террористическим угрозам, контроль экологических рисков. Но все это, скорее, защитные функции, которые не снимают факторов напряжения и не дают движения к новой модели.

Существенным фактором для трансформации моделей капитализма всегда являлось развитие технологий; сегодня это цифровая экономика и четвертая промышленная революция. Непрерывные инновации в сфере ИТ ведут к появлению новых

² Калмыков А. (2019) Реформа капитализма. Миллиардеры и бизнес готовы делиться: что их напугало? // ВВС. 16 июля 2019 // <https://www.bbc.com/russian/features-48975781>

игроков, новых форм организации бизнеса и новых сетевых форм коммуникации; происходит размывание границ фирм и национальных границ; одновременно растет роль городских агломераций в качестве центров экономической активности. Эти сдвиги несут с собой большие возможности, но также они порождают большие риски. Смена технологического уклада, представляющая угрозу для существующих игроков и для сложившихся организаций, скорее всего, будет вести к сопротивлению с их стороны с использованием как экономических, так и политических и силовых рычагов. Еще одна важная особенность этой альтернативы – объективно она дает больше возможностей для развитых стран с их емкими рынками и более сложной правовой, экономической и технической инфраструктурой. При этом готовность новых игроков как-либо делиться выигрышами вызывает большие сомнения³, а это означает новое усиление поляризации между богатыми и большинством бедных стран, которое не компенсируется ростом экономик Китая и Индии.

Экономический кризис, сопутствовавший пандемии коронавируса, массовые антирасистские протесты в США, новое усиление противостояния между США и Китаем только усилили те ощущения напряжения и неопределенности, которые нарастали в глобальной экономике и политике в последнее время начиная с глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Критика сложившейся модели «глобального капитализма», звучащая сегодня как слева, так и справа, порождает острые дебаты о связи между дерегулированием экономики и ростом неравенства, о влиянии новых технологий на модели организации бизнеса и подконтрольность крупнейших компаний национальным правительствам, о поиске нового баланса в отношениях между развитыми и развивающимися странами. Однако при наличии большого числа рецептов и рекомендаций по «улучшению капитализма» остается открытым вопрос о том, какие акторы и при каких условиях окажутся способны пойти на реальное изменение действующей модели и тем самым предотвратить сценарии глобальных катастроф, о которых все чаще говорят эксперты⁴.

В данной статье сделана попытка ответить на этот вопрос. Опираясь на известную теоретическую концепцию *varieties of capitalism* [Hall, Soskice 2001], мы выделяем общие тренды в исторической эволюции капитализма, обсуждаем ключевые преимущества, движущие силы и вызовы нынешней неолиберальной модели «глобального капитализма», а также показываем пределы возможностей модели «организованного капитализма» на национальном уровне в условиях глобального рынка. В заключительном разделе статьи аргументируется тезис о том, что глобальная кооперация, дополняющая глобальную конкуренцию и компенсирующая ее издержки, невозможна без новых идей, которые позволили бы объединять людей из разных стран и разных социальных групп во имя их общего будущего. По аналогии с технологическими инновациями, меняющимися сложившиеся соотношения сил в экономике, такие идеи в политике позволяют элитам преодолеть «плохие равновесия» (или «институциональные ловушки» в терминах В.М. Полтеровича) и сформировать новые условия для развития. Однако выработка

³ В этом отношении характерна острая публичная критика в адрес *Amazon, Apple, Facebook, Google* и других ведущих технологических компаний из развитых стран (см. [Galloway 2017] и других авторов).

⁴ См. в частности, доклад Мюнхенской конференции по безопасности 2020 г., подготовленный еще до пандемии COVID-19, в котором особо выделяются риски климатических изменений, а также риски масштабных сбоев в технологических системах из-за растущей конкуренции США и Китая в космическом пространстве [Bunde et al. 2020].

этих идей в значительной степени зависит от способности интеллектуалов выйти за рамки сложившихся стереотипов и предложить новый взгляд на ключевые проблемы развития экономики и общества.

Общие тренды в эволюции моделей капитализма

Для литературы по международной политической экономии при сравнении моделей капитализма типичным является разграничение между либеральными и координируемыми рыночными экономикami. Такой подход, опирающийся на анализ принципов организации взаимодействия между фирмами на рынках, между владельцами фирм и инвесторами, между фирмами и работниками, а также различий в системах социального страхования и подготовки кадров, был предложен в книге Питера Холла и Дэвида Соскиса и изначально применялся только к развитым экономикам [Hall, Soskice 2001]. При этом США, Великобритания и другие страны англо-саксонского мира традиционно относились к категории либеральных рыночных экономик (*liberal market economies* – LME), а примерами координируемых рыночных экономик (*coordinated market economies* – CME) служили Германия, Франция и другие страны Западной Европы. Следует отметить, что уже в первых работах этого направления подчеркивалась тесная связь между формами организации экономической жизни и политическими институтами, действующими в этих странах.

Критика начальной версии концепции *varieties of capitalism* (VoC) касалась ее ограниченности в пространстве (с фокусом на США и наиболее развитые страны Западной Европы) и во времени (когда сравнивались модели капитализма, сложившиеся во второй половине XX в.). Ответом на эту критику стало распространение данного подхода на анализ развивающихся экономик: в частности, в статье [Schneider, Soskice 2009] показано, как особенности политической системы стран Латинской Америки⁵ приводят к высокому уровню неравенства и одновременно создают барьеры для экономической конкуренции. С учетом устойчивого воспроизводства таких эффектов и отсутствия заметной динамики местных политических систем Б. Шнейдер и Д. Соскис заявляют о наличии отдельной модели «иерархической рыночной экономики» (*hierarchical market economies* – HME) (применительно к Латинской Америке).

Существенным направлением развития концепции VoC также стали исследования, посвященные анализу форм капитализма в странах Восточной Европы в процессе их рыночной трансформации после распада социалистического лагеря [Nölke, Vliegenthart 2009; Myant 2018]. В рамках этих исследований была предложена модель «зависимых рыночных экономик» (*dependent market economies* – DME), которая объясняет противоречивые эффекты для переходных и развивающихся экономик от их интеграции в глобальные цепочки создания стоимости в условиях, когда контроль над этими цепочками и управление ими остается в руках транснациональных компаний, расположенных в наиболее развитых странах. Одновременно было показано, что наиболее крупные развивающиеся страны, неудовлет-

⁵ Конкретно речь идет о сочетании модели президентских выборов по мажоритарной системе, принятой в LME, и модели парламентских выборов с пропорциональным представительством, характерной для CME.

воренные результатами глобализации и претендующие на самостоятельную роль на глобальных рынках, стремятся сформировать собственную модель «государства развития», которую исследователи описывали как модель *state-permeated capitalism* [Nölke 2018; Nölke et al. 2019] и которая отличается от моделей «государственного капитализма», существовавших в 1950–1960-е гг. На фоне многочисленных исследований по развивающимся экономикам следует также отметить работы, описывавшие стирание различий между базовыми моделями LME и СМЕ для развитых стран по мере углубления их интеграции в глобальные рынки [Thelen 2012].

Однако для понимания эволюции моделей капитализма более существенным является исторический межвременной анализ, который активно применяют в своих работах А. Нольке и Х. Май, следуя подходам Карла Полянши (см. [Nölke, May 2019; Полянши 2002 (1944)]). В частности, они показывают, что, став глобальным уже в начале XX в., капитализм за последние 120 лет прошел в своем развитии три крупные стадии (таблица 1). Та модель организации рынков, которая доминировала в мировой экономике в последние 40 лет и потенциал которой сейчас близок к исчерпанию, рассматривается ими как очередная либеральная или неолиберальная стадия в исторической эволюции капитализма, пришедшая на смену «организованному капитализму» 1930–1960-х гг., который в свою очередь заменил «либеральный капитализм» начала XX в. Каждая такая смена доминирующей модели сопровождалась серьезным системным кризисом – Великой депрессией 1929–1933 гг. и стагфляцией 1970-х гг. В свою очередь глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. воспринимается как поворотная точка в движении мировой экономики к формирующейся новой модели: «можно утверждать, что мы становимся свидетелями начала новой фазы в развитии капитализма, которая будет менее либеральной и более организованной» [Nölke 2019, p. 143].

Таблица 1. Стадии в развитии глобального капитализма

Период	Общее обозначение	Тип капитализма	Время окончания фазы
1900–1920-е	«Прогрессивная эра»	Либеральный	Великая депрессия
1930–1960-е	«Фордизм»	Организованный	Стагфляция 1970-х гг.
1970–2000-е	«Финанциализация» / «Неолиберализм»	Либеральный	Ипотечный кризис в США и глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг.
2010-е – н/в		Организованный	

Источник: составлено на основе [Nölke, May 2019].

Подобный исторический взгляд расширяет возможности для анализа моделей капитализма и, в частности, позволяет увидеть, что выделенные циклы не являются простым отражением колебаний маятника между крайними полюсами в организации экономических процессов. На каждом новом цикле капитализм приобретает новые качества, которые существенно влияют на его дальнейшее развитие и конкретные формы организации экономической активности.

При этом смена фаз не происходит в жесткой последовательности. Элементы новой системы возникают или «прорастают» внутри старой модели: так было

с институтами госкапитализма в Италии 1920-х или радикальными либеральными экспериментами в экономике Чили в середине 1970-х. Именно в этой логике модель *state-permeated capitalism*, формирующаяся в крупных развивающихся странах с 1990-х гг. в ответ на выявившиеся пределы развития в рамках модели «зависимых рыночных экономик», можно рассматривать как элемент новой модели «организованного капитализма».

Важно также признание того, что следующая фаза капитализма будет «организованной», но не обязательно «социально ориентированной» [Nölke, May 2019, p. 31]. Здесь оценки А. Нольке и Х. Мая совпадают с суждениями Б. Милановича, известного эксперта по проблемам неравенства. В своей новой книге о будущем капитализма он противопоставляет две модели – «либеральный капитализм», представленный прежде всего США и странами Западной Европы, и «политический капитализм» с опорой на доминирование государства, который сложился в Китае, а также в ряде стран Азии, Африки и Восточной Европы [Milanovic 2019]. При этом, по мнению Б. Милановича, существует риск «плутократической конвергенции» этих двух моделей, если «либеральный капитализм» не сможет найти решений для проблем, связанных с растущим социальным неравенством.

Однако для понимания того, как в рамках этого общего вектора трансформации будут меняться формы организации экономической активности, нужно ответить на ряд дополнительных вопросов: что дала современная модель глобального капитализма и каковы ее преимущества; какие акторы можно рассматривать в качестве ее движущих сил; с какими вызовами столкнулась эта модель и в какой мере «организованный капитализм» способен ответить на эти вызовы.

Ключевые преимущества, движущие силы и вызовы нынешней модели «глобального капитализма»

В сравнении с теми формами торгового и финансового капитала, которые существовали в разных странах мира в течение столетий, отличительной особенностью и ключевым элементом капитализма XX в. стало доминирование массового производства как способа организации экономической деятельности [Piore, Sabel 1984]. Именно технологии массового производства за счет резкого роста производительности труда обеспечили вытеснение иных форм организации производства в промышленности, сфере услуг, сельском хозяйстве и привели к глобальному доминированию капитализма. Глобализация также была обусловлена тем, что сбыт товаров массового производства требовал расширения рынков, поскольку уже в начале XX в. национальные рынки для крупных компаний, использовавших технологии конвейера, оказались слишком узкими.

Однако переход к технологиям массового производства имел и иные последствия. В частности, массовое производство требовало гораздо больших стартовых инвестиций в технологии и оборудование, что вело к росту доли постоянных затрат в общей структуре расходов и повышало потери предпринимателей в период циклических кризисов, характерных для капитализма свободной конкуренции второй половины XIX – начала XX в. Наиболее ярко эти разрушительные последствия проявились во время Великой депрессии начала 1930-х гг. Этот кризис обусловил

необходимость вмешательства государства в экономику посредством введения регулирования банков, финансовых рынков и установления базовых социальных гарантий для рабочих. Рост государственных расходов, а также расширение прав профсоюзов, приведшие к повышению доли зарплат в структуре ВВП и формированию широкого среднего класса, стали важным фактором поддержания спроса и стимулом для дальнейшего расширения массового производства⁶.

Эта фаза глобального «организованного капитализма» отличалась тем, что производство базировалось в наиболее развитых странах; остальные страны выступали в основном как источники сырья. При этом спрос также был сконцентрирован в развитых странах благодаря появлению там широкого круга платежеспособных потребителей продукции массового производства. Наиболее ярко позитивные эффекты этой модели, основанной на регулировании рынков и кооперации между трудом и капиталом в развитых странах и приводившей к стабилизации экономической конъюнктуры, проявились в 1950–1960-е гг. Однако затем стали видны и ее слабые стороны: в частности, модель массового производства начала сталкиваться с объективными ограничениями, т. к. к концу 1960-х в развитых странах практически все семьи уже обладали набором основных потребительских благ (дом или квартира, холодильник, телевизор, автомобиль и т. д.). Основанному на массовом производстве глобальному капитализму для его дальнейшего расширения были нужны доступ на новые развивающиеся рынки, а также значимое снижение издержек и цен для продолжения бизнеса с традиционными потребителями на развитых рынках.

Реализация этого запроса «глобального капитализма» на дальнейшую экспансию стала возможной благодаря сочетанию ряда факторов. В их числе – интенсивное развитие стандартизации и унификации товаров и комплектующих и внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), сделавшее возможным дистанционный контроль за качеством производственных процессов. Существенную роль сыграли развитие транспортных сетей (включая авиоперевозки) и снижение издержек на транспортировку товаров и комплектующих. Наконец, еще один очень значимый фактор – это начавшееся с 1980-х гг. дерегулирование мировой торговли, включая снижение импортных тарифов, либерализацию обмена валют и движения капиталов, снятие в развивающихся странах административных ограничений для прямых инвестиций из развитых стран [*Hillman, Ursprung* 1996; *Wacziarg, Welch* 2008].

Все эти факторы послужили предпосылками для формирования новых моделей организации бизнес-процессов, опирающихся на глобальные цепочки создания стоимости [*Humphrey, Schmitz* 2001; *Gereffi* 2005]. Их принципиальной организационной инновацией было разделение во времени и в пространстве отдельных стадий процесса массового производства, которые раньше обычно находились в одной стране и в рамках одной компании. Теперь эти стадии оказались распределены между разными экономическими агентами, которые действовали в разных странах и выполняли разные функции в глобальных цепочках создания стоимости (см. вставку «Ренты от глобализации и их распределение»). При этом начальные и конечные звенья цепочек создания стоимости (исследования и разработки, дизайн, управление брендами, маркетинг, розничные продажи) остались под

6 Данные эффекты наглядно показаны на примере Швеции в работе [Викторов 2020].

контролем транснациональных компаний (ТНК), базирующихся в развитых странах, а производство и логистика в основном были переданы внешним компаниям-подрядчикам, как правило, расположенным в развивающихся странах.

Перенос производственных звеньев в другие страны не только позволил в разы снизить издержки ТНК на заработную плату и связанные с ними налоги, он также повысил гибкость бизнес-процессов, т. к. теперь отказ от производства тех или иных товаров не был связан с необходимостью исполнения обязательств по социальным гарантиям для сокращаемых работников. ТНК просто расторгала контракт с одним внешним подрядчиком и заключала новый контракт с другой фирмой (зачастую в другой стране), следствием чего являлось существенное удешевление товаров массового производства. Они оказались доступнее для новых потребителей в менее развитых капиталистических государствах, а традиционные потребители в странах «золотого миллиарда» теперь могли позволить себе существенно чаще обновлять автомобили, бытовую технику и другие товары длительного пользования. Одновременно с конца 1980-х гг. началось открытие бывших социалистических экономик, включая Китай. Для ТНК это означало доступ к дешевому сырью и дешевой рабочей силе, а также к новым рынкам сбыта, благодаря чему стали возможны продолжение массового производства и дальнейшая экспансия глобального капитализма. Таким образом, в 1980–1990-е гг. технологические и организационные сдвиги, описанные выше, обусловили повышение эффективности в рамках глобальных цепочек создания стоимости и дали импульс для устойчивого экономического роста, который продолжался более 20 лет. При этом уже к концу XX в. капитализм, представленный его неолиберальной моделью, безусловно стал доминирующей формой организации экономики и общества во всем мире.

Однако наряду с явными позитивными эффектами для экономического роста и развития технологий формирование неолиберальной модели капитализма и ее расширение в пространстве (с охватом большего числа стран) привели к возникновению двух линий серьезных внутренних противоречий, создававших угрозы для сложившегося миропорядка. Первая из них была связана с усилением неравенства внутри развитых стран, которое подрывало их социально-политическую стабильность; вторая выражалась в нарастании напряженности между развитыми и развивающимися странами⁷.

Обострение внутренних противоречий в развитых странах было обусловлено тем, что трансформация цепочек создания стоимости привела к изменению социальной базы «глобального капитализма». В основе «организованного капитализма» 1930–1960-х лежали регулирование рынков национальными правительствами и относительный баланс сил между профсоюзами, выражавшими коллективные интересы работников, и бизнесом в лице прежде всего производственных компаний, которым были нужны квалифицированные работники и стабильно функционирующие производства. Одновременно в политике на национальном уровне сложился баланс сил между партиями правого и левого спектра, которые представляли интересы больших социальных групп и уравнивали друг друга при выработке и принятии решений.

⁷ Наиболее яркими примерами здесь является противостояние между США и Китаем, а также между Россией, с одной стороны, и США и ЕС, с другой стороны. Показательным также является нарастание напряжения между ЕС и Турцией, при том что экономически Турция тесно связана с ЕС и давно является членом НАТО.

Ренты от глобализации и их распределение

В начале и середине XX в. все стадии массового производства были сконцентрированы в развитых странах; здесь же происходил сбыт продукции, основным потребителем которой с середины XX в. выступал массовый средний класс. Из колоний (которые после Второй мировой войны приобрели независимость) поступало лишь сырье. В последние 30 лет либерализация внешней торговли, развитие информационных технологий, снижение транспортных издержек и открытие рынков для иностранных инвесторов изменили эту привычную структуру.

Цепочки по-прежнему находятся под управлением компаний из развитых стран, и главными рынками сбыта по-прежнему остаются страны «золотого миллиарда». Однако процесс создания стоимости, осуществлявшийся прежде в рамках одной компании, теперь распадается на самостоятельные функциональные стадии – от НИОКР и дизайна до собственно производства, логистики, маркетинга, рекламы и розничных продаж. Каждая из них может быть представлена независимыми фирмами, которые находятся в разных странах мира и работают на разных заказчиков (см. график).

Такая структура повышает гибкость всей цепочки и ее эффективность, поскольку каждую функцию теперь можно отдать наиболее конкурентоспособному исполнителю. В результате потребитель получает товар по более низкой цене, а фирмы, включенные в цепочку, – большую прибыль или ренту. Однако в силу разной интенсивности конкуренции эта рента распределяется неравномерно по стадиям внутри цепочки: ее доля выше на начальных и конечных стадиях, которые, как правило, представлены фирмами из развитых стран. Наиболее существенную долю ренты обеспечивает функция по координации взаимодействия отдельных звеньев цепочки; обычно ее выполняют транснациональные компании из США, Европы или Японии. Напротив, фирмы из развивающихся стран в основном задействованы на стадии производства и оказания стандартных услуг, где высок уровень конкуренции и ниже доля добавленной стоимости. В итоге большая часть выигрышей или рент от новой, распределенной в пространстве организации производственных процессов на глобальных рынках достается компаниям из развитых стран.

Источник: Andreas Wieland's supply chain management blog for academics and managers.

Возможности для свободного переноса производств в другие страны, а также для массового привлечения трудовых мигрантов в сферу услуг, открывшиеся в рамках процессов глобализации, привели к заметному усилению позиций работодателей на рынке труда в развитых странах, т. к. капитал стал гораздо мобильнее и компании меньше зависели от предложения рабочей силы на конкретных национальных рынках. Следствием этого явился перевод значительной части работников на временные контракты без гарантий занятости и механизмов социальной защиты. Ряд исследователей определяют совокупность этих работников как новый социальный класс – прекариат [Standing 2011; Azmanova 2020], который они сравнивают с пролетариатом XX в., признавая, однако, что прекариат остается разобщен и не имеет своих организаций и идеологов.

В результате, несмотря на то, что глобальное неравенство между странами уменьшилось, социальное неравенство на уровне отдельных стран, напротив, усилилось. По оценкам Б. Милановича, в США коэффициент Джини вырос с 35% в 1979 г. до примерно 45% к настоящему времени [Milanovic 2020, p. 13]. Этот эффект роста неравенства на национальном уровне в большей степени затронул развитые страны за счет сокращения рабочих мест и стагнации зарплат в связи с переносом производственных мощностей в развивающиеся экономики.

Проявлением усилившегося неравенства в развитых странах также стали негативные демографические тенденции. В частности, А. Кейс и А. Дейтон выявили остановку общего тренда к повышению продолжительности жизни и рост смертности среди белых американцев среднего возраста и неиспанского происхождения в период после 1998 г. [Case, Deaton 2015]. Этот рост смертности, абсолютно нетипичный не только для развитых, но и для развивающихся стран, объяснялся увеличением количества наркотических и алкогольных отравлений, циррозом и хроническими заболеваниями печени, а также всплеском числа самоубийств.

В совокупности названные процессы привели к изменению баланса сил, обеспечивавшего относительную социальную и политическую стабильность капитализма в середине XX в., и к размыванию социальной структуры либеральных демократий, политической базой для которых было наличие широкого среднего класса, включавшего квалифицированных рабочих. Общая сегментация социальной структуры обусловила то, что традиционные политические партии, отражавшие интересы широких социальных групп в демократиях XX в., начали утрачивать свою идентичность, что в дальнейшем открыло дорогу в большую политику для новых популистских лидеров.

Подобная поляризация, однако, до определенного момента не порождала острого социального напряжения. С одной стороны, различия в уровне потребления в развитых странах сглаживались за счет бурного развития потребительского кредитования (которое давало среднему классу возможность финансировать текущее потребление за счет будущих доходов). С другой стороны, доминирование в массовом сознании либеральных идей в сочетании с устойчивым экономическим ростом создавало ощущение, что «у каждого есть шанс» и надо лишь приложить усилия.

Напряжения в отношениях между развивающимися и развитыми странами также долгое время не воспринимались как значимая проблема для сложившегося глобального миропорядка прежде всего потому, что высокие темпы роста

вели к заметному повышению уровня жизни в ведущих развивающихся странах. Как показывают исследования Б. Милановича, одним из главных бенефициаров процессов глобализации и либерализации последних десятилетий были представители формирующегося среднего класса в Китае, Индии и других странах третьего мира, куда в 1980–1990-е гг. переносились производственные мощности из развитых экономик. За 20 лет, предшествовавших кризису 2008–2009 гг., доходы среднего класса в Китае, Вьетнаме, Таиланде выросли в два раза и более на фоне прироста доходов нижнего среднего класса развитых стран лишь на несколько процентов [Миланович 2017, с. 35–37], и как следствие этого глобальное неравенство по доходам заметно снизилось с 70% в 1990-е до примерно 60% к настоящему времени [Milanovic 2020, p. 13].

За высокими темпами экономического роста в развивающихся странах, однако, стояло весьма неравное распределение выигрышей и издержек от глобализации. Если взять за 100% весь выигрыш в глобальном доходе за период 1989–2008 гг. и оценить его распределение между богатыми и бедными социальными группами, то окажется, что 44% совокупного выигрыша получили 5% наиболее богатых людей, а 19% приходится на богатейший 1%, из которого больше половины (или 36 млн чел.) составляют американцы [Миланович 2017, с. 39–43]. Таким образом, другой ключевой группой выигравших от глобализации стали владельцы и менеджеры крупнейших компаний, которые управляют глобальными цепочками создания стоимости и аккумулируют значительную часть доходов от внедрения новой модели их организации. Многим в развивающихся странах такое распределение выигрышей от глобализации представляется несправедливым, особенно если одновременно учесть распределение издержек и, в частности, негативные тенденции в сфере экологии. Острота конкуренции на глобальных рынках заставляла местный бизнес в развивающихся странах минимизировать все категории расходов, а национальные правительства в силу слабости своих институтов оказывались не способны контролировать соблюдение экологических стандартов. Более того, ради сохранения высоких темпов экономического роста правительства развивающихся стран подчас сознательно закрывали глаза на ущерб, наносимый окружающей среде.

Несмотря на накопление этих противоречий, неолиберальная модель капитализма не вызвала острой критики, пока она обеспечивала высокие темпы экономического роста. Глобальный кризис 2008–2009 гг. стал поворотной точкой в восприятии сложившейся модели «либерального миропорядка». При различии форм антикризисной политики реакция на кризис во всех странах в конечном счете выражалась в росте вмешательства государства в экономику в различных формах – от выделения сотен миллиардов долларов для поддержки банковской системы в США и масштабных инфраструктурных проектов в Китае до субсидий на покупку автомобилей в Германии и резкого повышения пенсий и социальных пособий в России. Общей целью стало поддержание стабильности, благодаря чему мир в целом вместо «глобальной депрессии» пережил «глобальную рецессию». Однако при этом не произошло реальных изменений в общей модели организации экономической жизни, несмотря на то, что кризис выявил ее очевидные дефекты (обусловленные, в частности, масштабным уклонением транснациональных компаний от невыгодного им налогообложения и иного национального регулирования). Осознание этих дефектов и связанных с ними рисков привело к изменению

ожиданий и настроений экономических агентов, многие из которых в условиях возросшей неопределенности начали воздерживаться от инвестиций в новые проекты, что в свою очередь выразилось в снижении общих темпов экономического роста после кризиса.

Замедление экономической динамики имело и политические последствия. Активные представители незлитных групп, сталкивавшиеся с растущей поляризацией общества и рассчитывавшие ранее на «свой шанс», осознали, что их ожидания были иллюзией. Это породило ощущения социальной несправедливости, которые сформировали запрос на политику перераспределения в гораздо большей степени, чем фактическое неравенство в распределении доходов [Gimpelson, Treisman 2018]. Результатом этого перелома в ожиданиях стало нарастание социального напряжения, проявляющееся в разных формах – от массовых политических протестов и свержения авторитарных режимов в арабских странах в 2011 г. до Brexit и победы Д. Трампа на выборах президента США в 2016 г.

Однако круг проигравших от модели «неолиберального капитализма» не ограничивается представителями среднего класса в развитых странах. На международном уровне можно говорить еще об одной значимой группе – это широкие социальные слои в странах, где к началу новой волны глобализации еще доминировали патриархальные отношения. Многие из них не сумели встроиться в новый глобальный миропорядок и превратились в «несостоявшиеся государства» (Афганистан, Судан, Сомали⁸). Обездоленное население таких стран чаще других оказывалось подвержено идеям религиозных фанатиков и международных террористов, поддержанных представителями консервативных элит в богатых развивающихся странах, которые пытались противодействовать распространению западных ценностей.

Особую позицию занимают элиты больших развивающихся стран, получившие значимые экономические выигрыши от новой волны глобализации, но при этом остались не удовлетворенными своим местом и ролью в принятии глобальных решений. Именно эти страны стали внедрять модель *state-permeated capitalism* в терминах [Nölke et al. 2019] или модель «политический капитализм» в терминах [Milanovic 2019]. Для этих государств такая модель может рассматриваться как ответ на ситуацию, когда не только местные компании, но и национальные правительства оказываются слабее крупнейших ТНК. В крупных развивающихся странах с более-менее эффективным бюрократическим аппаратом такое сочетание возможностей государства и активности национального бизнеса способствовало ускорению экономической динамики и укреплению позиций этих стран на глобальных рынках [Lee, Gereffi 2015]. Однако есть большие сомнения в том, что сдвиг к «организованному капитализму» в таких формах может стабилизировать экономическую динамику и снизить социально-политическую напряженность в глобальном масштабе.

---

⁸ На фоне событий последнего десятилетия к этой категории также можно отнести Ливию, Сирию и Ирак. В шести названных странах живут свыше 150 млн чел., что превышает население России и составляет около 1/3 населения Евросоюза.

Пределы возможностей «организованного капитализма» на национальном уровне в условиях глобального рынка

В 1930–1960-е гг. в рамках предшествующей фазы «организованного капитализма» правительства развитых стран с помощью национального законодательства ограничивали влияние бизнеса на политику (происходившего в форме «захвата государства» в терминах [Olson 1965; Stigler 1971]), а также собирали налоги, необходимые для предоставления общественных благ и поддержания государства всеобщего благосостояния. Дерегулирование экономики и возможности переноса активности в другие юрисдикции, с одной стороны, повысили эффективность бизнеса (прежде всего для крупных ТНК, управляющих глобальными цепочками создания стоимости), а с другой стороны, они заметно ослабили позиции национальных правительств в переговорах с крупнейшими ТНК. По данным М. Бабика, Ж. Фихтнера и Э. Химскерка, в 2016 г. в списке 100 наиболее крупных субъектов мировой экономики насчитывались 29 стран и 71 компания. Американская компания *Walmart* занимала 10-ю строчку в этом рейтинге: ее годовая выручка была больше, чем валовой продукт 20 из 29 стран в списке [Babic et al. 2017]. Суммарная выручка всех американских компаний в этом списке превосходила ВВП любой страны, включая США, а суммарная выручка китайских компаний из этого списка уступала только ВВП США.

В условиях исчезновения барьеров для перетекания капитала между странами и острой налоговой конкуренции национальные правительства столкнулись с проблемой сокращения возможностей для ограничения оппортунизма (включая уклонение от следования экологическим стандартам и иного регулирования) и поиска ренты на уровне глобальных компаний. При этом те страны, которые пытаются «закрыть границы», рискуют проиграть в конкуренции не только из-за оттока капитала, но и ввиду глобализации цепочек создания стоимости. В настоящее время ни одна страна мира (включая США и Китай) не может полностью обеспечить себя всеми необходимыми товарами и комплектующими. В промышленности и в секторе high-tech, за исключением нескольких крупнейших государств, даже для средних компаний достижение эффективных масштабов бизнеса требует выхода на внешние рынки. Включенность в международное разделение труда стала одним из факторов достижения высокой производительности.

Иными словами, сложилось объективное противоречие между рыночными силами, которые в последние 30 лет превратились в глобальные, и механизмами регулирования рынков, которые преимущественно остаются национальными. Возможным ответом на это противоречие является региональная экономическая интеграция. Евросоюз с его наднациональными механизмами регулирования рынков – это наиболее продвинутый пример такого рода; другими примерами можно считать ASEAN, Транстихоокеанское партнерство, Евразийский экономический союз, а также в определенной мере проект «Один пояс – один путь», продвигаемый Китаем с 2013 г. Как показывает опыт, развитие таких интеграционных механизмов – длительный процесс, который идет не просто и постоянно требует согласования интересов их участников. Однако даже относительный успех наднациональных объединений (как в течение долгого времени это было в случае с ЕС) не решает второй группы проблем, порожденных моделью «неолиберального капитализма».

Как уже говорилось выше, ключевые проблемы, лежащие в основе дестабилизации нынешней модели «глобального капитализма», имеют социальный характер, и прежде всего это рост неравенства [Пикетти 2015; Миланович 2017]. Причем речь идет не только о неравенстве в доходах, но о неравенстве в возможностях, которое все больше ощущается разными социальными группами. Одним из аргументов сторонников неолиберальной экономической политики было то, что она может усиливать неравенство в доходах, но снимая ограничения для экономического роста и стимулируя предпринимательство, такая политика также создаст возможности для социального лифта. Однако в наиболее развитых странах все больше людей считают, что их поколение живет хуже, чем поколение их родителей, при этом больший скептицизм характерен для молодежи: так, в Великобритании в 2014 г. в рамках общенационального опроса Ipsos лишь 36% респондентов утверждали, что они живут лучше своих родителей (40% придерживались обратного мнения), но среди респондентов в возрасте до 30 лет доля оптимистов составляла лишь 22%⁹. Для США эти субъективные ощущения подтверждаются данными переписей населения о доходах разных поколений. Согласно Р. Четти с соавторами, среди родившихся в 1980-е гг. доля тех, кто зарабатывает больше своих родителей, сократилась почти в два раза по сравнению с родившимися в 1940-е гг. [Chetty et al. 2017].

Без решения этих проблем, обострившихся в последние два десятилетия, смена модели «глобального капитализма» не приведет к снятию социально-политической напряженности, однако, как подчеркивают А. Нольке и Х. Май, следующая фаза капитализма будет организованной, но не обязательно социально ориентированной. Такое уже было в истории: в частности, социально укорененные или социал-демократические формы «организованного капитализма», возникшие в рамках «нового курса» Рузвельта, противостояли фашистским формам экономической организации в Италии и Германии [Nölke, May 2019, p. 31]. Фактически о такой же развилке говорит и Б. Миланович, выделяя модель «либерального капитализма», опирающегося на меритократические принципы, и модель «политического капитализма», основанного на доминировании государства, а также подчеркивая риски их «плутократической» конвергенции [Milanovic 2020, p. 21]. В этой связи стоит вновь обратиться к истории для того, чтобы понять, какие факторы в развитых странах предопределили в 1930-е гг. политический выбор элит в пользу социально ориентированного «организованного капитализма».

Конкуренция идей как фактор развития

Либеральный капитализм начала XX в. опирался на идеи свободной конкуренции в экономике и демократии в политике. Однако рыночная конкуренция несла в себе собственное отрицание: любая фирма стремилась к монопольным позициям на рынке. Инструментом достижения этой цели, с одной стороны, были новые техно-

⁹ Более подробно см.: Sedghi A., Arnett G. (2014) Will Your Generation Have a Better Life than Your Parents? // The Guardian, April 14, 2014 // <https://www.theguardian.com/news/datablog/2014/apr/14/will-your-generation-have-a-better-life-than-your-parents>

логии и инвестиции, а с другой, вытеснение конкурентов с рынка и обеспечение доступа к сырью и рабочей силе с помощью политических связей или коррупции. В результате по мере концентрации собственности и капитала в пределах национальных государств происходило все большее подчинение политики интересам крупного бизнеса, что находило свое выражение в борьбе за колонии и жестком подавлении рабочего движения, следствием чего явились усиление социального неравенства и рост популярности социалистических идей.

Однако для того, чтобы элиты развитых стран начали реагировать на эти вызовы, потребовались две катастрофы – Первая мировая война и Великая депрессия 1929–1933 гг. Они не просто потрясли основы миропорядка, но привели к появлению альтернативных моделей общества, которые прямо противостояли идеологии либеральной демократии: 1) диктатуры пролетариата и плановой экономики в СССР; 2) фашизма в Италии и Германии. «Новый курс» Франклина Рузвельта, ставшего президентом США в разгар Великой депрессии в 1932 г., ответил на эту конкуренцию систем контролем зарплат и занятости, ростом госрасходов (в т. ч. на развитие инфраструктуры), регулированием банков и ограничением деятельности монополий, введением прогрессивных налогов на доходы, развитием социальных программ. Схожая политика в этот период проводилась и в странах Западной Европы – от Швеции до Великобритании.

Однако следует подчеркнуть, что по сути этот тренд расширения присутствия государства в экономике был глобальным, т. к. своими действиями элиты США и европейских стран отвечали на тот социальный эксперимент, который был начат в России после революции 1917 г. Как показало время, плановое хозяйство, позволявшее мобилизовать огромные ресурсы и добиться прорыва в приоритетных областях, было не способно обеспечить должные стимулы к снижению издержек и инновациям на уровне предприятий, что в конечном счете предопределило проигрыш СССР в экономической конкуренции с Западом. Тем не менее вплоть до 1960-х гг. для многих экономистов в США и Европе преимущества рынка над плановой экономикой были не вполне очевидны.

Иными словами, в дополнение к экономической и военно-политической конкуренции между государствами, проявлявшейся на протяжении столетий, особенностью XX в. стала острая идеологическая конкуренция. Элитам капиталистических стран нужно было подтверждать свою приверженность тем ценностям, которые они декларировали в противостоянии с другой моделью организации экономики и общества, опиравшейся на коммунистическую идеологию. Для этого элитам приходилось идти на самоограничение и на кооперацию с другими социальными группами в своих странах, что явилось ключевым фактором формирования социально ориентированного «организованного капитализма». На международном уровне это идейное противостояние также стимулировало кооперацию с другими странами, следовавшими той же идеологии.

Ослабление идеологической конкуренции в связи с явным проигрышем СССР в экономической конкуренции начиная с 1970-х гг. стало одним из факторов перехода к фазе «неолиберального капитализма», включая снижение налоговой нагрузки на бизнес и постепенный демонтаж институтов государства всеобщего благосостояния. Но еще одним следствием этого ослабления идеологической конкуренции оказалось постепенное размывание тех ценностных установок, которые сдерживали в элитах оппортунизм и поиск ренты. В дальнейшем это привело

к девальвации самой либеральной идеологии, которая использовалась как прикрытие для действий, реализующих сугубо частные интересы и нарушающих потребности общества.

Дерегулирование и либерализация 1980–1990-х гг. явились причиной глобализации рыночных сил. Конечно, во все времена в бизнесе были такие личности, как Джон Рокфеллер, Эндрю Карнеги или Джордж Сорос, которые думали о реализации общественных интересов и прилагали для этого свои усилия, не ограничиваясь в средствах. Однако большинство предпринимателей ориентируются на краткосрочные и сугубо частные интересы и движимы стремлением к прибыли и поиску ренты (именно в этом контексте Карл Полањи говорил о разрушительных эффектах саморегулируемых рынков [Полањи 2002 (1944)]).

С учетом глобального характера крупнейших рыночных агентов эффективно противостоять их оппортунизму, а также аккумулировать ресурсы, необходимые для сокращения неравенства и устранения базовых причин текущей социально-политической напряженности, могут только институты глобального «организованного капитализма». По своим возможностям они должны превосходить те формальные и неформальные институты, которые были унаследованы от периода холодной войны (ООН) или созданы в последние десятилетия (WTO, GATT, G7). Для формирования новых институтов глобального управления необходима тесная кооперация между крупнейшими развитыми и развивающимися странами с их очень разнонаправленными интересами, а для этого нужна кооперация политических элит внутри этих стран.

Очевидно, что в настоящее время должных масштабов такой кооперации нет. Кризис 2008–2009 гг. изначально подтолкнул к такому сотрудничеству: именно после него активизировалась деятельность G20 (куда, в отличие от «Большой семерки», входят лидеры ведущих развивающихся стран). Эти новые формы координации можно было бы воспринимать как начало движения к «миру всеобщего благосостояния» по аналогии с «государством всеобщего благосостояния» [Полтерович 2015], однако ослабление эффектов кризиса вновь снизило стимулы к кооперации¹⁰. При этом переговоры и поиск компромиссов затрудняются тем, что мир стал многократно сложнее: достижение устойчивого равновесия сегодня невозможно без включения в диалог многочисленных новых стейкхолдеров и учета их интересов. Что же может стать стимулом для этого?

История показывает, что убедить элиты в необходимости сплоченности, кооперации и ограничения собственных притязаний может только угроза масштабных потерь для них самих. Это означает, что в ближайшие годы, скорее всего,

---

¹⁰ Характерно, что кооперация в этот период по сути свелась к ограничению для крупных компаний возможностей ухода от налогов через офшоры. Практика такого рода получила массовое распространение в 1990–2000-е гг., но она стала прямо противоречить текущим интересам политических элит в условиях, когда они принимали решения о выделении гигантских объемов средств для стимулирования спроса в момент кризиса, и реципиентом этой помощи в значительной степени оказался крупный бизнес. Вместе с тем характерным является отсутствие до 2021 г. прогресса в коллективных действиях по предотвращению глобального потепления – когда США (с их наибольшими выбросами парниковых газов) подписали, но так и не ратифицировали Киотский протокол, а Парижский протокол (принятый в 2015 г. взамен Киотского) остается без практических механизмов реализации. При этом в недавнем совместном докладе Программы ООН по защите окружающей среды и ряда других международных организаций отмечается систематическое расхождение между декларациями о сдерживании глобального потепления и реальными планами национальных правительств по расширению добычи ископаемого топлива [SEI, IISD, ODI, Climate Analytics, CICERO, and UNEP 2019].

нам предстоит пережить серию политических и военных конфликтов, а также технологических, экологических и эпидемиологических катастроф¹¹, и только после этого возникнут предпосылки для формирования институтов глобального «организованного капитализма». Но сами по себе будущие катаклизмы не дадут отрезвляющего и оздоравливающего эффекта. Рост влияния правых популистов при поддержке со стороны социальных групп, ощущающих себя проигравшими от глобализации, явился следствием девальвации либеральных идей. Пришедшие к власти популисты вводят меры по ограничению миграции и повышают импортные тарифы, одновременно предоставляя новые преференции крупному бизнесу, увеличивая госдолг и усиливая проблемы с предоставлением «общественных благ» (как это видно на примере системы здравоохранения и общего образования в США). Очевидно, что все эти меры не снимают социального напряжения. Но проблема заключается в том, что в своем противостоянии правым популистам либеральный лагерь пока фокусируется на «политике идентичности» с защитой прав различных меньшинств, фактически противопоставляя их другим социальным группам вместо поиска и публичного продвижения идей и решений, которые устраняли бы первичные причины возросшего неравенства возможностей [Fukuyama 2018]. Для глобальной кооперации будут нужны новые идеи, способные объединять людей во имя их общего будущего¹².

Но немаловажное значение имеет еще один фактор: как это всегда было в переломные моменты истории, огромную роль будут играть личности лидеров. А это значит, что компромиссы станут возможны, если в одно и то же время к власти в наиболее крупных странах мира придут политические фигуры, способные вести диалог друг с другом и при необходимости противостоять частным интересам своих национальных элит.

Каковы будут роль и место России в этих процессах? Ответ на этот вопрос не ясен. После неудавшихся экспериментов с построением «либеральной демократии» в 1990-е гг. и «госкапитализма с корейским лицом» в 2000-е гг. высшая российская элита утратила какое-либо четкое видение будущего и строит свою политику на апелляциях к великой истории России. Однако развитие страны невозможно без согласованного желаемого образа будущего, который разделялся бы основными группами в российском обществе. В свою очередь для формирования такого образа необходимо понимание того, куда движется мир и как меняется глобальная система координат, в которой России нужно будет найти адекватное место.

И последнее замечание. Очень хочется надеяться, что лидеры ведущих держав, включая Россию, в обозримом будущем окажутся способны к диалогу и поиску компромиссов во имя развития. Но важно осознавать и иную альтернативу: в человеческой истории многие великие цивилизации, которые на определенной стадии не смогли разрешить свои внутренние конфликты и противоречия, потерпели крах. Тем не менее история продолжалась, поскольку рядом существовали другие общества, оказавшиеся более конкурентоспособными. Радикальное

¹¹ Пандемия коронавируса в 2020–2021 гг. – это лишь один из примеров такого рода.

¹² Здесь представляется справедливой аналогия Дэни Родрика о том, что новые идеи в политике, которые предлагают нестандартные решения проблем, тормозящих развитие, могут играть ту же роль, которую технологические инновации выполняют для бизнеса [Rodrik 2014].

отличие сегодняшнего мира заключается в том, что в ходе процессов глобализации последних десятилетий он стал взаимосвязанным и единым, и, если при развитии катастрофических сценариев лидеры ведущих стран будут неспособны договориться друг с другом, мы можем действительно прийти к концу истории, когда от сегодняшнего миропорядка останутся лишь глобальные руины.

Литература

- Викторов И.Н. (2020) Компромисс во имя роста: повышение доверия общества к элитам в Швеции (1930–1960-е годы) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 54–71. DOI: 10.31857/S086904990010069-7
- Зингалес Л., Раджан Р. (2004) Спасение капитализма от капиталистов: скрытые силы финансовых рынков – создание богатства и расширение возможностей. М.: ИКСИ.
- Миланович Б. (2017) Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Поланьи К. (2002 [1944]) Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя.
- Полтерович В.М. (2015) От социального либерализма – к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 41–64.
- Azmanova A. (2020) *Capitalism on the Edge: How Fighting Precarity Can Achieve Radical Change without Crisis or Utopia*, New York: Columbia University Press.
- Babic M., Fichtner J., Heemskerk E.M. (2017) States versus Corporations: Rethinking the Power of Business in International Politics // *The International Spectator*, vol. 52, no 4, pp. 20–43. DOI: 10.1080/03932729.2017.1389151
- Bunde T., Carr R., Eisentraut S., Erber Ch., Hammelehle J., Hartmann L., Kabus J., Stärk F., Voje J. (2020) Munich Security Report 2020: Westlessness, München: Münchner Sicherheitskonferenz (MSC), February 2020. DOI: 10.47342/IAQX5691
- Case A., Deaton A. (2015) Rising Morbidity and Mortality in Midlife among White Non-Hispanic Americans in the 21st Century // *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 112, no 49, pp. 15078–15083. DOI: 10.1073/pnas.1518393112
- Chetty R., Grusky D., Hell M., Hendren N., Manduca R., Narang J. (2017) The Fading American Dream: Trends in Absolute Income Mobility Since 1940 // *Science*, vol. 356, no 6336, pp. 398–406. DOI: 10.1126/science.aal4617
- Fukuyama F. (1989) The End of History? // *The National Interest*, Summer, pp. 3–18.
- Fukuyama F. (2018) *Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy* // *Foreign Affairs*, vol. 97, no 5, pp. 90–115.
- Galloway S. (2017) *The Four: The Hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook, and Google*, London: Penguin Random House UK (Bantam Press).
- Gereffi G. (2005) The Global Economy: Organization, Governance, and Development // *The Handbook of Economic Sociology* (eds. Smelser N.J., Swedberg R.), New York: Princeton University Press, pp. 160–182.
- Gimpelson V., Treisman D. (2018) Misperceiving Inequality // *Economics and Politics*, vol. 30, no 1, pp. 27–54. DOI: 10.1111/ecpo.12103
- Hall P.A., Soskice D. (eds.) (2001) *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*, Oxford: Oxford University Press.
- Hillman A.L., Ursprung H.W. (1996) The Political Economy of Trade Liberalization in the Transition // *European Economic Review*, vol. 40, no 3–5, pp. 783–794. DOI: 10.1016/0014-2921(95)00090-9
- Humphrey J., Schmitz H. (2001) Governance in Global Value Chains // *IDS Bulletin*, vol. 32, no 3, pp. 19–29.

- Lee J., Gereffi G. (2015) Global Value Chains, Rising Power Firms and Economic and Social Upgrading // *Critical Perspectives on International Business*, vol. 11, no 3/4, pp. 319–339. DOI: 10.1108/cpoib-03-2014-0018
- Milanovic B. (2019) *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World*, Belknap Press of Harvard University Press.
- Milanovic B. (2020) The Clash of Capitalisms: The Real Fight for the Global Economy's Future // *Foreign Affairs*, vol. 99, no 1, pp. 10–21.
- Myant M. (2018) Dependent Capitalism and the Middle-income Trap in East Central Europe // *International Journal of Management and Economics*, vol. 54, no 4, pp. 291–303. DOI: 10.2478/ijme-2018-0028
- Nölke A. (2018) Dependent versus State-permeated Capitalism: Two Basic Options for Emerging Markets // *International Journal of Management and Economics*, vol. 54, no 4, pp. 269–282. DOI: 10.2478/ijme-2018-0026
- Nölke A. (2019) *Comparative Capitalism* // *The Palgrave Handbook of Contemporary International Political Economy*. Series: Palgrave Handbooks in IPE (eds. Shaw T., Mahrenbach L., Modi R., Yi-chong X.), London: Palgrave Macmillan, pp. 135–151.
- Nölke A., May Ch. (2019) Liberal versus Organised Capitalism: A Historical-Comparative Perspective // *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System*. *International Political Economy Series* (eds. Geröcs T., Szanyi M.), Palgrave Macmillan, Cham, pp. 21–42.
- Nölke A., Vliegenthart A. (2009) Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // *World Politics*, vol. 61, no 4, pp. 670–702. DOI: 10.1017/S0043887109990098
- Nölke A., ten Brink T., May Ch., Claar S. (2019) *State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies*. RIPE Series in Global Political Economy, Routledge.
- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Piore M.J., Sabel C.F. (1984) *The Second Industrial Divide*, New York: Basic Books.
- Rodrik D. (2014) When Ideas Trump Interests: Preferences, Worldviews, and Policy Innovations // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 28, no 1, pp. 189–208. DOI: 10.1257/jep.28.1.189
- Schneider B.R., Soskice D. (2009) Inequality in Developed Countries and Latin America: Coordinated, Liberal and Hierarchical Systems // *Economy and Society*, vol. 38, no 1, pp. 17–52. DOI: 10.1080/03085140802560496
- SEI, IISD, ODI, Climate Analytics, CICERO, and UNEP (2019). *The Production Gap: The Discrepancy Between Countries' Planned Fossil Fuel Production and Global Production Levels Consistent with Limiting Warming to 1.5°C or 2°C* // <http://productiongap.org/>
- Sen A. (2009) *Capitalism beyond the Crisis* // *The New York Review*, March 26, 2009 // <http://www.nybooks.com/articles/22490>
- Standing G. (2011) *The Precariat. The New Dangerous Class*, London: Bloomsbury.
- Stigler G.J. (1971) The Theory of Economic Regulation // *The Bell Journal of Economics and Management Science*, vol. 2, no 1, pp. 3–21. DOI: 10.2307/3003160
- Stiglitz J. (2019) *The Economy We Need* // *Project Syndicate*, May 3, 2019 // <https://www.project-syndicate.org/onpoint/the-economy-we-need-by-joseph-e-stiglitz-2019-05>
- Thelen K. (2012) Varieties of Capitalism: Trajectories of Liberalization and the New Politics of Social Solidarity // *Annual Review of Political Science*, vol. 15, no 1, pp. 137–159.
- Wacziarg R., Welch K.H. (2008) Trade Liberalization and Growth: New Evidence // *The World Bank Economic Review*, vol. 22, no 2, pp. 187–231. DOI: 10.1093/wber/lhn007
- Wallerstein I. (2000) Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System // *International Sociology*, vol. 15, no 2, pp. 249–265. DOI: 10.1177/0268580900015002007

Where Is Global Capitalism Headed?

A. YAKOVLEV*

***Andrei Yakovlev** – PhD in Economics, Director, Institute for Industrial and Market Studies, National Research University Higher School of Economics. Address: 20, Myasnitkaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: ayakovlev@hse.ru

Citation: Yakovlev A. (2021) Where Is Global Capitalism Headed? *Mir Rossii*, vol. 30, no 3, pp. 29–50 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-3-29-50

Abstract

This paper considers the evolution of global capitalism in the context of high economic uncertainty and socio-political tensions affecting most countries, using the “varieties of capitalism” approach. It discusses the key advantages and driving forces of the neoliberal model of capitalism as well as the symptoms of its crisis. It argues that broader governmental intervention in the economy, i.e., a transition to “organized capitalism”, will not solve the problem of inequality, which has recently become the main factor of socio-political destabilization. Traditional political institutions of representation and the reconciliation of the interests of large social groups will be not able to solve these problems because such institutions operate at the national level, whereas rising inequality is largely due to the logic of competition in global markets. Only deep cooperation between developed and the main developing countries can produce a proper response to the challenges faced by global capitalism. An important precondition for such cooperation is the ability of national elites in these countries to limit their ambitions. However national elites still do not face strong enough internal and external pressures. As a result, they are not ready to cooperate and search for new ideas and solutions to satisfy broader public interests. Therefore, the move to new forms of global “organized capitalism” will, with high probability, be coupled with new political and armed conflicts and with risks of technological, ecological and epidemic crises.

Keywords: global markets, inequality, global governance mechanisms, neoliberal capitalism, organized capitalisms, competition of ideas

References

- Azmanova A. (2020) *Capitalism on the Edge: How Fighting Precarity Can Achieve Radical Change without Crisis or Utopia*, New York: Columbia University Press.
- Babic M., Fichtner J., Heemskerk E.M. (2017) States versus Corporations: Rethinking the Power of Business in International Politics. *The International Spectator*, vol. 52, no 4, pp. 20–43. DOI: 10.1080/03932729.2017.1389151

- Bunde T., Carr R., Eisentraut S., Erber Ch., Hammelehle J., Hartmann L., Kabus J., Stärk F., Voje J. (2020) *Munich Security Report 2020: Westlessness*, München: Münchner Sicherheitskonferenz (MSC), February 2020. DOI: 10.47342/IAQX5691
- Case A., Deaton A. (2015) Rising Morbidity and Mortality in Midlife among White Non-Hispanic Americans in the 21st Century. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 112, no 49, pp. 15078–15083. DOI: 10.1073/pnas.1518393112
- Chetty R., Grusky D., Hell M., Hendren N., Manduca R., Narang J. (2017) The Fading American Dream: Trends in Absolute Income Mobility Since 1940. *Science*, vol. 356, no 6336, pp. 398–406. DOI: 10.1126/science.aal4617
- Fukuyama F. (1989) The End of History? *The National Interest*, Summer, pp. 3–18.
- Fukuyama F. (2018) Against Identity Politics. The New Tribalism and the Crisis of Democracy. *Foreign Affairs*, vol. 97, no 5, pp. 90–115.
- Galloway S. (2017) *The Four: The Hidden DNA of Amazon, Apple, Facebook, and Google*, London: Penguin Random House UK (Bantam Press).
- Gereffi G. (2005) The Global Economy: Organization, Governance, and Development. *The Handbook of Economic Sociology* (eds. Smelser N.J., Swedberg R.), New York: Princeton University Press, pp. 160–182.
- Gimpelson V., Treisman D. (2018) Misperceiving Inequality. *Economics and Politics*, vol. 30, no 1, pp. 27–54. DOI: 10.1111/ecpo.12103
- Hall P.A., Soskice D. (eds.) (2001) *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*, Oxford: Oxford University Press.
- Hillman A.L., Ursprung H.W. (1996) The Political Economy of Trade Liberalization in the Transition. *European Economic Review*, vol. 40, no 3–5, pp. 783–794. DOI: 10.1016/0014-2921(95)00090-9
- Humphrey J., Schmitz H. (2001) Governance in Global Value Chains. *IDS Bulletin*, vol. 32, no 3, pp. 19–29.
- Lee J., Gereffi G. (2015) Global Value Chains, Rising Power Firms and Economic and Social Upgrading. *Critical Perspectives on International Business*, vol. 11, no 3/4, pp. 319–339. DOI: 10.1108/cpoib-03-2014-0018
- Milanovic B. (2017) *Global'noe neravenstvo. Nobyj podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global Inequality. A New Approach for the Age of Globalization], Moscow: Gaidar Institute Press.
- Milanovic B. (2019) *Capitalism, Alone: The Future of the System That Rules the World*, Belknap Press of Harvard University Press.
- Milanovic B. (2020) The Clash of Capitalisms: The Real Fight for the Global Economy's Future. *Foreign Affairs*, vol. 99, no 1, pp. 10–21.
- Myant M. (2018) Dependent Capitalism and the Middle-income Trap in East Central Europe. *International Journal of Management and Economics*, vol. 54, no 4, pp. 291–303. DOI: 10.2478/ijme-2018-0028
- Nölke A. (2018) Dependent versus State-permeated Capitalism: Two Basic Options for Emerging Markets. *International Journal of Management and Economics*, vol. 54, no 4, pp. 269–282. DOI: 10.2478/ijme-2018-0026
- Nölke A. (2019) Comparative Capitalism. *The Palgrave Handbook of Contemporary International Political Economy. Series: Palgrave Handbooks in IPE* (eds. Shaw T., Mahrenbach L., Modi R., Yi-chong X.), London: Palgrave Macmillan, pp. 135–151.
- Nölke A., May Ch. (2019) Liberal versus Organised Capitalism: A Historical-Comparative Perspective. *Market Liberalism and Economic Patriotism in the Capitalist World-System. International Political Economy Series* (eds. Geröcs T., Szanyi M.), Palgrave Macmillan, Cham, pp. 21–42.
- Nölke A., Vliegenthart A. (2009) Enlarging the Varieties of Capitalism: The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe. *World Politics*, vol. 61, no 4, pp. 670–702. DOI: 10.1017/S0043887109990098
- Nölke A., ten Brink T., May Ch., Claar S. (2019) *State-permeated Capitalism in Large Emerging Economies. RIPE Series in Global Political Economy*, Routledge.
- Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century], Moscow: Ad Marginem Press.
- Piore M.J., Sabel C.F. (1984) *The Second Industrial Divide*, New York: Basic Books.
- Polanyi K. (2002 [1944]) *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time], Saint Petersburg: Aletya.
- Polterovich V.M. (2015) Ot sotsial'nogo liberalizma – k filosofii sotrudnichestva [From Social Liberalism towards the Philosophy of Collaboration], *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 4, pp. 41–64.
- Rodrik D. (2014) When Ideas Trump Interests: Preferences, Worldviews, and Policy Innovations. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 28, no 1, pp. 189–208. DOI: 10.1257/jep.28.1.189
- Schneider B.R., Soskice D. (2009) Inequality in Developed Countries and Latin America: Coordinated, Liberal and Hierarchical Systems. *Economy and Society*, vol. 38, no 1, pp. 17–52. DOI: 10.1080/03085140802560496
- SEI, IISD, ODI, Climate Analytics, CICERO, and UNEP (2019). The Production Gap: The Discrepancy Between Countries' Planned Fossil Fuel Production and Global Production Levels Consistent with Limiting Warming to 1.5°C or 2°C. Available at: <http://productiongap.org/>, accessed 15.05.2021.
- Sen A. (2009) Capitalism beyond the Crisis. *The New York Review*, March 26, 2009. Available at: <http://www.nybooks.com/articles/22490>, accessed 15.05.2021.
- Standing G. (2011) *The Precariat. The New Dangerous Class*, London: Bloomsbury.
- Stigler G.J. (1971) The Theory of Economic Regulation. *The Bell Journal of Economics and Management Science*, vol. 2, no 1, pp. 3–21. DOI: 10.2307/3003160
- Stiglitz J. (2019) The Economy We Need. *Project Syndicate*, May 3, 2019. Available at: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/the-economy-we-need-by-joseph-e-stiglitz-2019-05>, accessed 15.05.2021.
- Thelen K. (2012) Varieties of Capitalism: Trajectories of Liberalization and the New Politics of Social Solidarity. *Annual Review of Political Science*, vol. 15, no 1, pp. 137–159.
- Viktorov I.N. (2020) Kompromiss vo imya rosta: povyshenie doveriya obshchestva k elitam v Shvetsii (1930–1960-e gody) [A Compromise in the Name of Growth: Increasing Public Confidence in the Elites in Sweden (1930s – 1960s)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 54–71. DOI: 10.31857/S086904990010069-7
- Wacziarg R., Welch K.H. (2008) Trade Liberalization and Growth: New Evidence. *The World Bank Economic Review*, vol. 22, no 2, pp. 187–231. DOI: 10.1093/wber/lhn007
- Wallerstein I. (2000) Globalization or the Age of Transition? A Long-Term View of the Trajectory of the World-System. *International Sociology*, vol. 15, no 2, pp. 249–265. DOI: 10.1177/0268580900015002007
- Zingales L., Rajan R.G. (2004) *Spasenie kapitalizma ot kapitalistov: skrytye sily finansovykh rynkov – sozдание bogatstva i rasshirenie vozmozhnostej* [Saving Capitalism from the Capitalists: Unleashing the Power of Financial Markets to Create Wealth and Spread Opportunity], Moscow: ICSS.